

— Ааа!!!

Чэн Баоя закричала, царапаясь и пытаясь ущипнуть Чэн Баоли. Сестры дрались так, что никто не мог их разнять.

Сестры Чэн схватились в драке, катаясь по каменному полу у входа.

Чэн Баоли, которая накопила столько обид за свою жизнь, выплеснула все в этот момент. Хотя она была типичной южанкой с небольшим телосложением, но благодаря постоянной физической работе у нее были сильные руки, и она была без жалости. Не умея драться, она просто была как попало: хлопала, щипала, толкала локтями, хватала за волосы, царапала лицо и била по груди, прижимая Чэн Баою к земле и дергая за волосы.

Сначала сестры дрались на равных, катаясь по полу, но вскоре Чэн Баоли оказалась сверху, сидя на Чэн Баою и избивая ее.

Чэн Баоли кричала:

— Твой сын — собака! Твоя дочь — собака! Вся твоя семья — собаки!

Чэн Баоя визжала:

— Убийца! Убийца!!

Дедушка и бабушка Чжэн сначала пытались их разнять, но потом Чжэн Хайян подбежал и, с притворной обидой, сказал:

— Дедушка, бабушка! Почему тетя называет меня собакой?

Дедушка Чжэн нахмурился и отошел в сторону, а бабушка Чжэн, не выдержав, тоже ущипнула Чэн Баою. Как она посмела назвать ее любимого внука собакой? Заслужила, чтобы ее проучили.

Бабушка по маме хлопала себя по ноге:

— Перестаньте драться, перестаньте, Баоли, хватит!

В этот момент из двора маслозавода наконец вышли люди, услышав шум, и поспешили разнять сестер.

— Не держитесь, не держитесь, что за дело, чтобы сестры так дрались!

— Она назвала моего сына собакой!

Чэн Баоя, которая утром аккуратно уложила волосы и была одета в хлопковую рубашку и черные рабочие брюки, теперь выглядела растрепанной. Ее гнев немного утих после драки, но на лице все еще была ярость, словно она готова была разорвать Чэн Баою. Она никогда раньше так явно не ненавидела свою сестру, никогда так ясно не видела лицо своих родственников. Она всегда помогала своей семье, делала все для них, даже когда Чжэн был недоволен, она никогда не говорила ничего плохого о родственниках. Но в итоге она стала для них обузой, никогда не заботилась о Яньяне, никогда не давала ей ничего хорошего, а теперь, боясь, что семья мужа уедет и ребенка некому будет воспитывать, они показали свое отвратительное лицо.

Люди, которые пришли разнимать их, уговаривали не драться, не ссориться, а сесть и поговорить по-семейному. Чэн Баою подняли, и она тут же заплакала, облокотившись на плечо бабушки по маме. Бабушка по маме слегка шевельнула бровями, казалось, ей было очень жалко, и она утешала старшую дочь, бросив предупреждающий взгляд на младшую.

Чэн Баоли встретила этот взгляд с холодом в сердце. Она больше не чувствовала боли, только холод и осознание того, что она не стоит этого.

Ребенок, который плачет, получает конфету. Теперь, став матерью, Чэн Баоли понимала эту истину, но она не могла заплакать. Она только что чувствовала обиду и боль, но теперь ей казалось, что это просто большой смех. Чэн Баоли в своей семье была просто шуткой! Шуткой, у которой умер отец и которую не любит мать!

Дедушка и бабушка Чжэн оказались в сложной ситуации. Чжэн Хайян подошел к матери и спросил с жалостью:

— Мама, тебе больно? Ты не поранилась?

— Со мной все в порядке,

Чэн Баоли даже подняла подбородок. Она не плакала, не жаловалась и не ждала утешения. В этот момент она была похожа на гордого воробья. Это зрелище тронуло и растрогало Чжэн Хайяна. Теперь он наконец понял слабости и трудности своей матери. Никто не рождается таким. С такой бесполезной родней по маме действительно трудно.

Чэн Баоли подняла руку, сняла резинку и быстро завязала волосы в хвост. Затем она взяла сетку и большую сумку у входа, твердо повернулась и сказала дедушке и бабушке Чжэн:

— Пойдемте, машина скоро приедет, не опоздайте.

Бабушка Чжэн смягчилась и хотела сказать, что, может быть, сегодня они не поедут, но дедушка Чжэн, нахмурившись, остановил ее, покачав головой. Бабушка ничего не сказала, пошла в дом за сумками и вещами. Дедушка Чжэн громко закрыл дверь и направился к переулку.

Бабушка по маме фыркнула, холодно посмотрев на Чэн Баоли:

— Ты сама сказала, не приходи потом плакать и просить меня помочь с ребенком.

Чэн Баоли усмехнулась:

— Если я попрошу помощи у родни по маме, я завтра же спрыгну с моста Тунъюнь!!

Бабушка по маме фыркнула, не глядя на Чэн Баоли.

Чэн Баоли, держа сына за руку, шла впереди, а дедушка Чжэн сказал бабушке:

— Ты видела, какая у Янъяна бабушка по маме. Если мы не поедем в центр провинции заработать денег, на кого он сможет рассчитывать в будущем?

Бабушка Чжэн кивнула.

Машина в центр провинции как раз подъехала к переулку. Чэн Баоли передала вещи кондуктору, дедушка и бабушка Чжэн сели в машину, попрощались с Чэн Баоли и обняли Чжэн

Хайяна, затем отправились в путь. Мать и сын махали им вслед, крича, чтобы они были осторожны.

Новость о драке Чэн Баоли быстро дошла до Чэнь Линлин, и та поспешила выйти, встретив их у переулка.

Чэнь Линлин осмотрела лицо Чэн Баоли:

— Тебя ударили? Ты не поранилась?

Чэн Баоли горько улыбнулась:

— Оказывается, я довольно крепкая, даже не пострадала, только немного волос потеряла.

Чэнь Линлин, идя сюда, видела, как бабушка по маме и Чэн Баоя ушли по другой дороге, и сказала:

— Это были твоя мама и сестра? Они уже ушли, пойдём домой.

Вернувшись, Чэн Баоли некоторое время сидела на кожаном диване Чэнь Линлин в оцепенении. Чэнь Линлин отправила Чжэн Хайяна в комнату посмотреть на малыша, а сама осталась с Чэн Баоли, убедившись, что на ней нет серьезных ран, только несколько царапин на руках.

Чэн Баоли действительно не заплакала ни разу. Она сидела в задумчивости, затем вдруг повернулась к Чэнь Линлин и сказала:

— Это еще не конец, вечером, наверное, мои родные по маме позовут меня.

Чэнь Линлин твердо сказала:

— Не ходи, мужчин нет дома, если ты пойдешь одна, тебя могут обидеть или ударить.

Чэн Баоли задумалась:

— Но мне придется пойти.

Чэнь Линлин посоветовала:

— Тогда не иди сейчас, подожди, пока вернутся Хань Чжицзюнь и Чжэн.

Но в этот вечер все было спокойно, родственники Чэн Баоли не пришли. Чжэн Хайян подумал и вдруг понял, что в этот раз пострадала Чэн Баоя, старшая сестра. В их семье действительно никто не стал бы заступаться за нее. Дедушка по маме не стал бы вмешиваться, дядя из-за раздела жилья уже давно был в ссоре с тетей, а самая младшая тетя была еще школьницей.

Что касается бабушки по маме, он не мог понять ее характера, но они пришли только потому, что боялись, что мать бросит его на их попечение. Теперь, когда мать ясно дала понять, что не будет возвращать ребенка в семью, бабушка, вероятно, не стала бы приходить снова.

В общем, Чэн Баоя получила по заслугам, и никто не стал бы за нее заступаться.

Мало того, что никто не заступился, Чэн Баоя сама ушла с работы, попросив коллегу подменить ее, чтобы тайком прийти сюда.

Чэн Баоли, не сдерживаясь в драке, била сильно, царапала и хлопала, так что Чэн Баоя не смогла вернуться на работу, а только плакала и ушла домой. На заводе не стали разбираться, почему она не пришла, и сразу записали ей прогул.

Муж Чэн Баои был в армии, и связаться с ним было нелегко, дома за нее никто не заступился, а на заводе ей записали прогул, что довело ее до бешенства, и она не могла уснуть всю ночь, испытывая боль и гнев.

Через два дня Чэн Баоли, закончив дневную смену, ехала домой на велосипеде. Только въехав во двор маслозавода, она услышала, как Чжэн Хайян кричал с верхнего этажа:

— Мама, мама! Папа вернулся! Папа вернулся!

Чэн Баоли даже не заперла велосипед, схватила сумку и побежала наверх. Войдя в дом, она увидела Хань Чжицзюня и Чжэн Пина, сидящих на их диване и курящих, а на столе лежало несколько газетных свертков, похожих на кирпичи.

Чэн Баоли была невероятно рада, но, увидев Чжэн Пина, только широко улыбнулась и сказала:

— Наконец-то ты вернулся.

<http://bllate.org/book/16484/1497887>